

ШКОЛА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Молодые ученые.
Продолжение традиций

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ МИР:
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА**

И.А. БАРСУК

Современная концепция цивилизационного развития основана на принципе этнокультурного полицентризма. Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что за кажущейся ясностью формулы «единство в многообразии» или «многообразие в единстве» лежит ряд проблем, непростых в концептуальном отношении и нелегких в смысле практического решения. Проблемы, связанные с единством человеческого мира и разнообразием культур, сегодня приобрели особую остроту. Несмотря на то, что для современного мультикультурного состояния мира атрибутивным является признание равноправия всех цивилизационных образований, чьи взаимоотношения должны строиться с позиций толерантности и диалога, социокультурный статус восточнославянского мира подвергается явному сомнению со стороны политической и культурной элиты его идеологических оппонентов. Противоречивые оценки роли и статуса восточных славян варьируются в пределах от эмоционально нагруженных выражений, таких как «полуварварская цивилизация поневоле», «междивизиационное пространство», «недоцивилизация» и т.п., вплоть до попыток реставрации архаических стереотипов их жизнедеятельности («шапка-ушанка», «деревянная изба», «медведи», «щи» и многое др.), проектируемых в системе маркетинговых коммуникаций средствами мифодизайна. Такой подход предполагает в свою очередь и «новое прочтение» исторического прошлого, попытку его «национализировать» в составе коллективных практик с помощью ряда методик (квазисамоидентификация, крипторевизионизм), которые помогают закрепить в массовом сознании «нужные» представления об историческом процессе.

В действительности феномен восточнославянской цивилизационной общности представляется весьма многомерным, поскольку может быть рассмотрен в различных ракурсах и приоритетах социодинамики данного регионального объединения. Выдвижение на первый план национальных идентичностей сформировало в России, Украине и Беларуси далеко не одинаковое отношение к идее восточнославянского единства в различных его интерпретациях. Многие из них ориентированы на дивергентные тенденции в исторической динамике

восточнославянских народов, предполагая такую транскрипцию идеи национально-культурной идентичности, которая чревата практикой национальной замкнутости и тенденциозного неприятия иных форм социокультурного опыта.

Какое вектор развития восточнославянского мира сегодня, с кем объединяться и с кем разъединяться России, Беларуси и Украине с учетом вот этого современного мирового контекста, связанного как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями? Это нам необходимо понять, чтобы в очередной раз не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития.

В условиях глобализации, когда «возник кризис многих коллективных идентичностей»¹, изменению подвержены все составляющие многомерного феномена идентичности, особенно те компоненты, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и истоков, имеющих исключительную оригинальность и самобытность. Для поиска оснований позитивной совместимости восточнославянских народов и формирования интегративного ядра их идентичности мы акцентируем те ценности, сохранение и культивирование которых позволит сохранить собственную историю и уникальность восточнославянского сообщества в глобализирующемся мире. Идентичность по-прежнему строится на определенном ценностном ряде, включающем понятия «патриотизма», «долга», «уважения к истории и культурным традициям», а уровень национально-культурной идентичности понимается в широком обобщенном смысле и рассматривается как интегративный, рационально конструируемый феномен, образующий «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности².

В целом получается, что результаты духовного творчества одного поколения становятся объективными предпосылками деятельности другого поколения, и это последнее поколение изменяет современный мир, опираясь на те возможности, которые уже имеются в наличии. Зададимся вопросом: может ли каждое новое поколение произвольно, по своему разумению, придать исторической колее, «наезженной» предшествующими поколениями новое измерение? В свете обсуждаемых проблем особый интерес вызывают архетипичные для восточного славянства события: во-первых, начало его истории в первые века новой эры и «завершение» ее в XV в.; во-вторых, фаза интерференции восточнославянской и русской культур в XIII–XV вв., наиболее аутентичных

для восточного славянства; в-третьих, историческая трансформация «русскости», сложившейся в XIII–XIV вв., в «российскость», начиная с XVIII в. В пределах единой Российской империи вплоть до СССР и затем в относительно автономных странах «восточнославянскость» означает номинально-символическое единство Великой, Белой и Малой Руси. Духовная культура восточных славян складывается в условиях их государственной консолидации (IX–XI вв.). Время это связало восточных славян на северо-западе и литовцев общностью политической, культурной, религиозной жизни, способствовало «появлению и укреплению понятий единства Руси»³. Решающим фактором в процессе цивилизационной идентификации восточного славянства стало принятие православно-христианской веры по греческому обряду. Единство это выражалось в выработке общего литературного языка, покрывавшего собой местные племенные диалекты, в складывании общей культуры, в национальном самоощущении единства всего народа⁴. Киевская Русь за время своего государственного единства сумела создать единую народность, условно называемую древнерусской, материнской по отношению к украинцам, русским и белорусам.

В «Слове о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона наряду с понятиями «Русская земля» (обозначающее единое государство восточных славян, и «русские люди» (обозначающее единое население этого государства), впервые четко формулируется представление о «русских» как об особой социокультурной общности⁵. В «Списке русских городов, дальних и ближних», в этом историческом документе 80–90-х гг. XIV в. также отражается представление о единстве «русского народа»⁶.

Христианство в его византийском варианте трансформировало ментальность восточнославянских народов в соответствии с целостностью идей, лежавших в его основании, однако лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Крещением освящаются не только братья-славяне, но и вся «земля русская». В древнерусском эпосе единство и общность восточных славян выражается не только в кровнородственных связях: богатыри киевского эпоса — не киевляне, их связывают узы побратимства (Илья — из Карачарова, Добрыня — из Рязани, Алеша — из Ростова).

Б.А. Рыбаков отмечал, что «рождение плуга, кузницы и воинов-богатырей происходит в единое время; культурный герой — кузнец и воин, защищающий свой народ, хронологически слиты»⁷. Ранний эпос представлял не мифологию как таковую, а коренное ее переосмысление, причем само мифологическое прошлое олицетворяется в образах различных чудовищ. Образ чудовища мог означать и неразумное прошлое, и зло, с которым вступает в борьбу герой, и символ самого геройства⁸.

Поэтому восточнославянская традиция возвеличивает пахаря и его труд, противопоставляя земледельца воину, созидательный труд — завоеваниям. Богатырь Микула Селянинович — «оратай-оратаюшко» — одерживает верх над Святогором, который не может поднять, овладеть «сумкой переметной», а в ней заключена тяга «Матери — сырой земли», и над князем-чародеем Вольгой Святославовичем, который со своей дружиной не может догнать Микулу и вытащить сошник из земли. Предпочтение мирного сосуществования перед завоеванием, как проявление восточнославянской духовности, отличает древнерусские былины от западноевропейского героического эпоса, а если речь идет о битвах, то это сражения за Русскую землю, за восстановление мира и правды. Исследователь древнерусской литературы и культуры А.М. Панченко обратил внимание на то, что на Руси в качестве национальных символов «избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы». Поэтому священными символами у нас стали «вынужденные сражения», в которых «Русь защищалась, следовательно, была безусловно права», такие битвы и оказались «нравственной заслугой» народа, без чего «символ невозможен» в принципе⁹. То есть принцип братолюбия и уважения провозглашается одним из основных добродетелей государственного деятеля.

Вместе с тем приверженность к сохранению своей концепции бытия, своих традиционных ценностей, вопреки всем историческим перипетиям, создает устойчивость восточнославянской духовности, способствует общественной сплоченности, нейтрализующей существующие противоречия. Условия хозяйственной деятельности и отсутствие излишков продуктов земледельческой деятельности препятствовали имущественно-социальной дифференциации и формированию личностного «Я». «Повесть временных лет» говорит о существовании большой семьи у восточных славян уже в VIII—IX вв. Длительное сохранение коллективного труда, традиции «артельности», крестьянских «помочей», «толоки» утвердили общину восточных славян в качестве важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейки, в рамках которой сохранялись и воспроизводились принципы равенства, идеалы справедливости, нравственные константы традиционного типа. Самое главное — община гарантировала своему члену минимальный достаток, помощь в тяжелую минуту. Неизбежность существования общины, обусловленная ее производительно-социальными функциями, в конечном счете, вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной системы. В свою очередь режим крепостничества стал возможным при наличии российского самодержавия, характерной особенностью которого является сильное развитие хозяйственно-экономической функции.

Однако белорусам и украинцам, в отличие от свойственного русским коллективизма общинного типа, авторитета общинного жизнеустройства, был характерен коллективизм, выступающий как совокупность общих норм поведения, а совместные работы были связаны с определенными периодами сельскохозяйственного сезона и ликвидацией стихийных бедствий. На основании документа «Устава на волоки», принятого 1 апреля 1557 г., были определены правила индивидуального землепользования. На востоке Беларуси фольварочно-барщинная система не получила распространения из-за особых природных условий. На территории Московии — вплоть до Столыпинской реформы — прочная община оставалась важнейшей хозяйственной и социокультурной ячейкой.

Отсюда становится понятным, почему в восточнославянской ойкумене складываются предпосылки формирования государствообразующего начала как важного фактора в историческом самоопределении восточнославянских народов и, как следствие, — отсутствие правового государства. Вместо «государства права» строилось «государство правды», в идеале предполагающее подчинение «государства началу вечности»¹⁰. Под «правдой» на Руси еще со времен Илариона понимали и истину, и добродетель, и справедливость, и закон. Соединение идеала справедливости и идеала сильного государства было выражением традиционно-общинного менталитета. В контексте восточнославянской истории ценность коллективного образа жизни получила отражение в понимании государства как важнейшей организующе-регулятивной силы, гаранта стабильности общества. В громадном политическом теле-государстве, как в теле человека, только тогда могут быть порядок и согласие, когда все силы и органы действуют по магию единой души. И в этом согласованном действовании по закону единого нерушимая истина и свобода каждого.

Этот небольшой экскурс в историю показывает, что отнюдь не случайно в период общественно-экономической перестройки конца 1980—начала 1990 гг., когда ценность коллективизма в общественно-политическом сознании стала разрушаться, приоритет стал отдаваться индивидуализму, подчеркивавшему приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества. Но индивидуалистические ценности так и не смогли стать господствующими для восточнославянских народов. Возможно, это связано с тем, что они еще не успели завоевать лидерство; но, возможно и то, что в рамках нашей традиции индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит основополагающим традиционным принципам восточных славян.

Из вышесказанного следует, что в настоящее время восточнославянские народы должны взаимодействовать друг с другом и, используя свой богатый духовный потенциал и исторический опыт, реализовать проект восточнославянской цивилизации, а не превратиться в «иллю-

зию», которая нуждается в инструментах поддержки медиапространства. Отсюда также следует и то, что перед политическим руководством восточнославянских стран стоит задача фундаментальной важности: разумно сочетать практику сознательного регулирования социальными процессами с традициями, ментальностью и историческим опытом народа. Политиков же, которые при решении этой сложнейшей задачи будут впадать в крайности, неизбежно ждет крах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лекторский В.А. *Философия, познание, культура*. – М., 2012. С. 161.
- ² Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // *Вопросы социальной теории: научный альманах* [Электронный ресурс]. – 2010. Т. 4. Человек в поисках идентичности. С. 255–281. – URL: <http://iph.ras.ru/page11097421.htm>
- ³ Мавродин В.В. *Происхождение русского народа*. – Л., 1978. С. 133.
- ⁴ Рыбаков Б.А. *Из истории культуры Древней Руси*. – М., 1984. С. 11.
- ⁵ Иларион. *Слово о Законе и Благодати* / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. – М., 1994.
- ⁶ Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // *Восточная Европа в древности и средневековье* / Библиотека «РусАрх» [Электронный ресурс]. – М., 1978. С. 40–48. – URL: <http://rusarch.ru/podosinov1.htm>
- ⁷ Рыбаков Б.А. *Язычество древних славян*. – М., 1994. С. 538.
- ⁸ Вагнер Г.К. *Проблема жанров в древнерусском искусстве*. – М., 1974. С. 61–62.
- ⁹ Панченко А.М. *Русская культура в канун петровских реформ*. – Л., 1984. С. 201.
- ¹⁰ Шахматов М. *Государство правды (опыт по истории государственных идеалов в России)* // *Евразийский временник*. Кн. 4. – Берлин, 1925. С. 291–305.

REFERENCES

- Astafieva O. Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity. In: *Questions of social theory: Scientific almanac*. 2010. 4, pp. 255–281. Available at: <http://iph.ras.ru/page11097421.htm> (in Russian).
- Hilarion. *Word on Law and Grace*. Moscow, 1994. 146 p. (in Russian).
- Lektorsky V.A. *Philosophy, knowledge, culture*. Moscow, 2012. 384 p. (in Russian).
- Mavrodin V.V. *Origin of Russian people*. Leningrad, 1978. 184 p. (in Russian).
- Panchenko A.M. *Russian culture on the eve of the Petr reforms*. Leningrad, 1984. 205 p. (in Russian).
- Podosinov A.V. On the principles of construction and place of creation of the «List of Russian cities far and near». In: *Eastern Europe in ancient and medieval times*. Moscow, 1978. Available at: <http://usarch.ru/podosinov1.htm> (in Russian).

Rybakov B.A. *From cultural history of ancient Russia*. Moscow, 1984. 241 p. (in Russian).

Rybakov B.A. *Paganism of ancient Slavs*. Moscow, 1994. 640 p. (in Russian).

Shakhmatov M. State of truth (the experience of the history of state ideals in Russia. In: *Eurasian Annals*. Book 4. Berlin, 1925, pp. 291-305 (in Russian).

Wagner G.K. *Problem of genres in old art*. Moscow, 1974. 268 p. (in Russian).

Аннотация

В статье анализируются духовные ценности восточнославянских народов, сохранение и культивирование которых позволит сохранить собственную историю и уникальность восточнославянского сообщества в глобализирующемся мире. Подчеркивается, что в настоящее время восточнославянские народы должны взаимодействовать друг с другом и, используя свой богатый духовный потенциал и исторический опыт, реализовать проект восточнославянской цивилизации.

Ключевые слова: восточные славяне, восточнославянская цивилизация, духовные ценности, мировоззренческие ориентации, национально-культурная идентичность.

Annotation

The article examines the spiritual values of East Slavic peoples, the preservation and cultivation of which would preserve history and uniqueness of East Slavic community in the globalized world. It is emphasized that, at present, East Slavic nations should interact with each other and implement the project of the East Slavic civilization, using their rich spiritual potential and historical experience.

Keywords: Eastern Slavs, Eastern Slavic civilization, spiritual values, ideological orientations, national and cultural identity.